

ББК 87.8

Т.М. Степанская

О единстве этнографического, исторического и художественного пространства

T.M. Stepankaya

About the Unity of Ethnographical, Historical and Art Space

Автор привлекает внимание к особенностям современной художественной культуры Сибири в контексте культурологической биосфероцентрической концепции.

Ключевые слова: географическая среда, художественное пространство, пейзаж, историческая и культурная память.

В настоящее время искусство все настойчивее трактуется как «высшая способность адекватно соответствовать определенной реальности... способность сознания целого, иррационального, полно отражать законы той ситуационной позиции, которая переживается или имеется... здесь и сейчас» [1, с. 70–71]. Констатация постмодернистскими мыслителями раздробленности, фрагментарности человеческого опыта конца XX столетия послужила своеобразным толчком поиска новых онтологических и экологических оснований культуры XXI в. Природопреобразующая функция культуры ныне заменяется на природосохраняющую функцию. Эта концепция направлена на восстановление утраченной человеком органичной взаимосвязи с природным миром. Как известно, идеология Нового времени провозгласила высшей ценностью человека, а его научно-технические открытия – необходимым условием социального прогресса, что привело к доминированию материально-производственной сферы в жизни общества и потребительскому эгоцентризму. Антропоцентрические тенденции и прагматизм западной культуры XIX–XX столетий «упрочили дистанцию между человеком и природой, точнее, положение человека “над природой”, что обусловило самоидентификацию представителя индустриальной и постиндустриальной формации исключительно как потребителя природных ресурсов» [2, с. 3].

Особенностью русской культуры и русского искусства является поклонение природе и высокие достижения развития пейзажного жанра в живописи, чьи эстетические и этические ценности не растворились в искусстве России XX в. Ведущим жанром был и остается пейзаж, однако и в нем произошли некоторые перемены, связанные с поисками национального образа. Пришло понимание, что природа не

The author pays attention to the peculiarities of modern art Siberian culture in the context of the cultural biosphere-centric conception.

Key words: geographical area, art space, landscape, historical and cultural memory.

только повод для этюдных мимолетных состояний, но и основа мировоззрения художников данной территории, обладающей ярко выраженной географической спецификой [3, с. 53]. Тезис о единении природы и человека находит убедительное воплощение в искусстве современных мастеров пейзажа, не вышедших из сферы обаяния отечественной художественной школы.

Пейзаж для художников России всегда был источником духовности, утешителем, тем моментом восприятия, когда житель Земли погружается в пейзажи и находит там и утешение, и вдохновение действовать, жить. Велики просторы России, и этот простор определяет восприятие пейзажа. Россия, как отмечали русские философы, – это страна метелей, вьюг, тайги, рек и гор, она никак не может быть той страной, где можно игнорировать пейзаж. Пейзажем люди живут, пейзажем люди вдохновляются, пейзажем питаются духовно. «Россия – не есть страна бесконечного оптимизма, тяготение к скорбным глубинам присуще ей по природе», – слова русского религиозного философа И.А. Ильина. Он глубоко прав. Духовные идеи России, глубина национального самосознания получили выражение в пейзажной живописи. В пейзаже художники размышляли о судьбе нации, через пейзажный образ раскрывали душу личности и волнение эпохи. Пейзажное мышление в российской художественной традиции проявляется не только в пейзаже, но и в исторической, в бытовой картине и портрете. Природа не только фон или место действия, а элемент, усиливающий тональность события. В природе ощущается незримая полнота мира. «Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души», – отмечал русский философ Н.А. Бердяев.

Фундаментальный принцип гармонии, обуславливающий единство бытия, открывается в произведениях искусства. «Для Вас пейзаж как икона», – отзывался о выставке алтайских живописцев в Касселе один из немецких историков искусства.

С точки зрения П.А. Флоренского, в процессе исторического бытия храмового искусства визуальный духовный опыт, относящийся к иконописанию, был закреплен в иконописном каноне. Икона – это символ [4, с. 205]. Пейзаж тоже содержит символы и знаки. Например, мотив дороги, столь часто присутствующий в русском пейзаже, – архетипический мотив, первообраз, характерный для просторов России. В православной культуре дорога, тропинка – символ земного пути человека. Образ дороги связан с раздумьями о человеческой судьбе. Истоки православной культуры проистекают от общения и созерцания российских озер, рек, лесов, где жили наши святые подвижники Сергей Радонежский, Серафим Саровский. Западная культура не обладает таким содержанием, в ней живут несколько иные отношения с природой. Природа там как бы накрыта труднопроницаемым панцирем цивилизации. «Благодородство каждой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами... И чем древнее культура, тем она значительнее и прекраснее... Цивилизация дорожит своим недавним происхождением, она не ищет древних и глубоких источников... У нее нет предков. Она не любит могил. Цивилизация всегда имеет такой вид, точно она возникла сегодня или вчера» [5, с. 700]. Ныне востребовано знаковое искусство, натура (природа) используется как исходный материал для изображения «истинной», «знаковой» картины мира, в которой каждый художник строит свое пространство как свою мыслительную конструкцию. Российская художественная традиция в природе всегда видела источник вдохновения. Географическая среда – непременная составляющая, формирующая ментальность и художественное пространство творческой личности. Мир искусства есть высшая реальность человеческого бытия. Обладая творческой силой сознания, человек не просто призван быть, а призван бытийствовать, т.е. принимать самое непосредственное участие в формировании для себя реальности. В этом процессе географической среде, пейзажу принадлежит ведущая роль. Красиво, образно, точно сказали об этом русские мыслители, в частности философ В. Соловьев: «Природа есть живое воплощение небесного начала на земле ... красота растений, живых существ и самого человека есть первоисточник творчества». Именно об этом свидетельствует выставка произведений алтайских живописцев в Западной Европе в декабре 2007 – мае 2008 г.

Самым глубинным источником творческого, личностного потенциала человека является его

принадлежность к определенной этнической общности. Когда этнос находится на подъеме, причастность его исторической судьбе, ценностям, идеалам создает вдохновляющий настрой, активизирует созидательно-преобразовательную энергию людей и наоборот. Проблемы художественного пространства глубоко интересуют историков искусства, культурологов, искусствоведов. С первыми публикациями о динамике развития художественного пространства в России выступили сотрудники российского научно-исследовательского института «Наследие» (Москва). В публикациях автора Лаврениевой разработаны структуры этнографического, исторического и художественного пространства; подчеркиваются тесные взаимодействия и взаимозависимость названных типов пространства (см.: [3, с. 154]).

Современные исследователи выделяют три исторические парадигмы отношения к культурному наследию: «отсутствие прошлого», «память-преемственность», «культурный диалог» [2, с. 14]. В основе этих парадигм лежат такие установки, как представления о чрезвычайной культурной значимости памяти. Социокультурная ситуация в современной России убеждает в том, что «высокая» культура не выдерживает столкновения с рыночным мышлением и, уступая рынку, зачастую выходит из борьбы за умы и сердца людей. Распространение реального окружающего мира воздействует на сознание человека, формируя его индивидуальное ментальное пространство. Увиденное и осмысленное претерпевает в человеческом сознании изменения, обусловленные особенностями личности, изначальным настроением воспринимающего, стереотипами, традициями. При этом искажение окружающей пространственной реальности происходит и по той причине, что история, миф и любой ландшафт несут больше информации, чем может вместить сознание одного человека. Результат восприятия – искаженный слепок окружающей действительности [2, с. 16]. Индивидуальное ментальное пространство для человека более убедительно, чем реальность, постичь которую во всем многообразии и во всей полноте он не в состоянии. Ментальное пространство формируют и косвенные источники – искусство, легенды, обыденные суждения, повседневность. В отличие от результатов непосредственных впечатлений и прямого восприятия, косвенные источники формируют слабо детализированное пространство, не факт, не точность, но комплекс знаков, символов мнений, которые человек ассоциирует с регионом, историческим периодом, мифопоэтикой [3, с. 118]. Личное ментальное пространство – очень динамичная структура, пополняющаяся и пульсирующая в течение жизни человека. Многие из окружающего мира вовсе не находят отражения в ментальном личном пространстве. Индивидуальное ментальное

пространство формируется помимо усилий воли человека. Искусство является источником косвенной информации об окружающем мире; оно формирует так называемое художественное пространство при участии непосредственного восприятия действительности художниками.

Художественное произведение становится «закрепителем» внешних и внутренних пространственных связей и смыслов той или иной территории. Сохранение и передача исторической памяти, помимо других форм, осуществляется через творческую деятельность.

Художественные произведения можно назвать «пространственной памятью» города, края, страны.

Художественное пространство – сложная структура, включающая этнографическое, историческое, мифопоэтическое «подпространства». Художественное пространство формируется под непосредственным влиянием природы, этнографической среды, особенностей исторического развития, мифопоэтического восприятия, религиозной культуры. Большую роль в построении общего художественного пространства, в создании произведений играет индивидуальное художественное пространство личности, которое человек приобретает в детстве, т.е. ментальность. Это устойчивая характеристика творца, она сохраня-

ется в течение всей жизни, но в течение жизни она и обогащается общением с другими территориями, с другими странами, культурами. Диалог неизбежен, но именно диалог, а не растворение национального в безликом океане цивилизации и технизации. Все сказанное относится и к процессу формирования художественного пространства на Алтае. Для художественного пространства Алтая XVIII–XX вв. характерно разнообразие этнических, культурных и духовных истоков. Культурная и духовная интеграция являются устойчивым вектором развития российской и региональной культуры. Процессы глобализации, в которые вовлечены практически все современные цивилизации, нередко приводят к исчезновению уникальных, самобытных культур, тесно связанных с конкретным местом. Конкретное место – это то генетическое начало, которое дает жизнь многочисленным неповторимым культурам [6, с. 213–214]. В культуре Алтая на основе взаимодействия ярко проявились традиции в форме функционирования преемственности. На всех этапах формирования и развития художественного пространства Алтая четко прослеживается традиция в форме образца, в качестве которого выступали столичная, локальная, региональная и этническая культуры, вступившие во взаимодействие.

Библиографический список

1. Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика. – Новосибирск, 1987.
2. Каминский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках. – Екатеринбург, 2009.
3. География искусства / под ред. Ю.А. Веденина. – М., 1999.
4. Флоренский П.А. Иконостас // Философия искусства XVI–XX вв. Антология. – М., 1993.
5. Бердяев А. Философия неравенства // Философия свободы. – Харьков, 2002.
6. Степанская Т.М. Очерки истории культуры Алтая. – Барнаул, 2009.